

◆ Сказки для больших девочек ◆

Ирена Сытник

16+

ЖЕНСКИЕ ПЕЧАЛИ И РАДОСТИ

Ирена СЫТНИК

Женские печали и радости

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Сытник И. Р.

Женские печали и радости / И. Р. Сытник — «ЛитРес:
Самиздат», 2010

Что сильнее: обязательства или любовь? Кого выбрать: холодного красавца или нежное чудовище? Героиня пройдёт долгий путь, насыщенный событиями и приключениями, чтобы предстать перед самым трудным в её жизни выбором.

© Сытник И. Р., 2010
© ЛитРес: Самиздат, 2010

Содержание

Часть первая: «Невеста поневоле»	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Картинки взяты с сайта:

https://pixabay.com/p-2424180/?no_redirect

https://pixabay.com/p-2282726/?no_redirect

CC0 Creative Commons

Бесплатно для коммерческого использования

Указание авторства не требуется

Обложка создана на сайте:

<https://www.canva.com/design/DAC9uKIkXjw/g2mEJmvLezqpATy4OI1r1g/edit>

Часть первая: «Невеста поневоле»

Глава 1

Узкая извилистая долина вилась между двумя склонами покрытых лесом гор и упиралась в склон третьей, на крутой и обрывистой вершине которой высился грубый, мощный и неприступный замок горного барона Хаскетта. Он царил над этой затерянной среди диких гор Ледеберга ложиной в прямом и переносном смыслах этого слова. Небольшое селение, расположившееся в центре долины, на берегу быстрой реки, шумным водопадом спадающей с горы, принадлежало тому же Хаскетту, и в нём жили воины его дружины со своими жёнами, домочадцами и слугами. Вход в дол был неприступен, так как проходил по узкому ущелью, которое охранял круглосуточный пост дозорных.

Старый барон Хаскетт умер несколько лет назад от полученных в бою ран, и долиной правили его сын Амарис Хаскетт и вдова баронесса Амалия.

Баронесса была женщиной строгой, даже жёсткой, и держала подданных твёрдой рукой. Амарис, несмотря на далеко не юный возраст, в дела хозяйства не вникал, предпочитая им охоту и разбойные набеги. Вылазки на Торговый путь, проходящий из Кламара в Медаус, и Тропу Речников, идущую от Торгового пути в Илларию, он совершал регулярно, и никогда не возвращался без добычи. Свободное от набегов время молодой барон посвящал охоте в окрестных лесах или уходил далеко в Ледеберг, откуда привозил юных пленниц-варварок для пополнения своего и так немалого гарема. Глядя на сына, баронесса лишь сокрушённо качала головой и недовольно поджимала губы.

Но вот однажды, в один из особенно холодных зимних дней, баронесса простудилась и слегла с лихорадкой. Болезнь протекала не очень тяжело, но хитрая женщина решила воспользоваться подходящим случаем, чтобы повлиять на сына, преследуя свои желания. Она притворилась, чуть ли не умирающей, и позвала сына к своему ложу. Амарис тот час явился, слегка обеспокоенный, но, как всегда, самоуверенный.

– Сын мой... – слабым голосом произнесла баронесса. – Я чувствую, что близится мой смертный час... – Амарис беспokoйно переступил с ноги на ногу и хотел что-то сказать, но мать остановила его повелительным взмахом руки. – Нет, я не собираюсь умирать сегодня или завтра, но на всё воля богов... Эта болезнь всерьез подкосила меня... Я не боюсь смерти, но меня беспокоит то, что, когда меня не станет, замок останется без хозяйки. Тебе уже тридцать пять, Амарис, пора подумать о супруге и госпоже «Башни Ветров», – так Хаскетты называли свой замок. – Я заклинаю тебя, сын мой, бросить свои забавы и отправиться на поиски невесты. По традиции, ты должен похитить её у родителей и привезти в замок силой, как поступали твои предки, как сделал твой отец...

Правда, баронесса умолчала, что ранее её родители и родители барона Хаскетта договорились об этом похищении, так как Амалия тоже дочь горного барона. К сожалению, у ближайших соседей и тех, с кем они жили в дружбе, не нашлось подходящих дочерей, а то бы Амалия поступила так же. Поэтому Амарису придётся последовать примеру деда и прадеда – украсть невесту вне среды горных баронов. Ней может стать любая девушка, если она соответствует неписаному правилу: она не должна быть рабыней или падшей женщиной. Конечно, было бы хорошо, если бы невеста оказалась дочерью благородных родителей, или даже аристократкой, но это не обязательно. Да Амалия и не обрадовалась бы такой невестке, понимая, что, выросшая в роскоши и неге цивилизации избалованная девица, вряд ли привыкнет к суровому быту горных баронов, и, скорее всего, зачахнет, как нежный комнатный цветок, высаженный в открытый грунт холодной весной. Амалия предпочла бы крепкую здоровую выносливую

девушку с дороги – дочь мелкого купца или стражника, привыкшую к путешествиям с отцом. Такие девушки, обычно, здоровы телом и духом, и недолго предаются печали, попав в Башню Невест, вскоре смиряются и становятся хорошими жёнами.

Но – судьбе не прикажешь. Когда холостой барон выходит на охоту за невестой – тут уж как повезёт. Иногда ему сразу встречается подходящая девушка, а иногда поиски заводят его в Медаус или Илларию, или Кламар, и тогда он выбирает «домашнюю» невесту, которая тяжело приживается в стенах горной крепости.

Всё это знал и Амарис. Он также понимал, что мать давно желает видеть его женатым, но сам пока не стремился обзаводиться супругой. Супружество накладывает определённые обязательства, а ему нравилась его вольная независимая жизнь. К тому же, ему хватало придираков матери, поэтому он и не желал видеть в своём доме ещё одну «хозяйку».

Видя, что сын недоволен кривится и хочет возразить, и наизусть зная все его возражения, баронесса вновь остановила его жестом и продолжила:

– Не спорь со мной, сын мой. Время наших споров прошло. Воля умирающей – закон. Ступай же и не медли, если хочешь успеть получить моё благословение.

Амарис горестно вздохнул, поняв, что на этот раз ему не отвертеться, пожелал матушке скорейшего и непременно выздоровления, и покинул её опочивальню.

Несколько дней он откладывал путешествие, хотя понимал, что избежать его не сможет, затем, в один из тёплых ясных солнечных дней, позвав двух ближайших друзей, оставил замок и направился в сторону Торгового пути.

Целый день они потратили на дорогу и поиски большого обоза, в которых часто встречались путешествующие женщины. К счастью, им в этот день повезло. Вечером, случайно, наткнулись на стоянку такого обоза. Он хорошо охранялся, но это не остановило охотников. Они были жителями Ледеберга и называли себя «горными волками», было бы стыдно не суметь незаметно прокрасться сквозь охрану и похитить слабую беззащитную женщину. Чем больше трудностей встречалось на пути, тем большая честь и слава доставалась охотникам по возвращении.

Глава 2

Элайна – дочь капитана Олайна, в молодости королевского стрелка, гонявшего вальдо (лесных разбойников) в лесах Илларию, а затем возглавившего отряд сопровождения королевских обозов. Он проводил их в Кламар, Медаус и обратно с минимальными потерями, и считался опытным и умелым военачальником. Уже будучи в возрасте, капитан встретил красивую девушку-виолку, прибывшую в Илларию в поисках приключений и службы. Виолки – каста женщин-воинов с далёкого, затерянного в океанских просторах острова, где они служат королевскими телохранителями.

Избыток выученных с младенчества воительниц время от времени покидал родину и отправлялся в далёкие страны, где их с удовольствием брали на службу короли, аристократы и богатые вельможи, так как услуги этих умелых профессионалок стоили довольно дорого.

Юной семнадцатилетней девушке понравился высокий, стройный, мужественный и храбрый воин Олайн, несмотря на почти двадцатилетнюю разницу в возрасте. И она, по обычаю предков, выбрала его в супруги, а через три года родила дочь. Девочку, опять же по обычаю своего племени, она воспитывала в воинском духе: растила в строгой дисциплине, отучая от свойственной многим детям боязливости и изнеженности. Она учила её стойко переносить боль, холод, усталость, одиночество и преодолевать страх. Обучала своему воинскому мастерству, без утайки передавая виольские знания и секреты. Глядя, как жена «издевается» над девочкой, часами заставляя неподвижно сидеть или стоять, или запирая в тёмном подвале, куда предварительно запускали с полдюжину крыс, Олайн возмущался. Но супруга на все упрёки спокойно отвечала, что её дочь – виолка, и она воспитывает её так, как воспитывали её саму. К счастью, капитан часто и подолгу отсутствовал дома, и не мог видеть иных «ужасов» и испытаний, которым подвергала дочь супруга.

Эти постоянные отлучки, а также возраст стареющего супруга, подтолкнули виолку найти себе другого мужчину, к которому она и ушла со спокойной совестью, опять же, по обычаю своих предков. Вначале Элайна последовала за матерью. Но как только ей исполнилось шестнадцать лет и она, по законам виолок, стала совершеннолетней, как только она сдала матери своеобразный экзамен на зрелость, о котором впоследствии старалась не вспоминать, девушка вернулась к отцу, которого любила сильнее, чем мать, из-за его более человеческого и доброго отношения.

Так они и жили вдвоём в маленьком домике на окраине Клера, пока девушке не исполнилось восемнадцать, и она не посчитала себя вполне взрослой, чтобы начать сопровождать отца в походах.

Год прошёл в постоянных разъездах с небольшими перерывами во время месяца Бурь, а также месяца Весенних и Летних Гроз. Этой зимой, как только закончился месяц Бурь и начался двухмесячный Период Покоя, капитан Олайн, с дочерью, вновь возглавив отряд сопровождения, повёл обоз по Кламарскому тракту сначала до Таормина, а затем в Медаус по Торговому Пути.

Часть маршрута, пока они двигались по территории герцогства Кламар, прошла спокойно. По сторонам широкой дороги простирались открытые поля, засеянные зерновыми и засаженные овощами. Разбойники редко встречались в этих краях, не считая одиночек или особо отчаянных, которые нападали на крестьянские повозки или одиноких путников. Большие королевские обозы под охраной многочисленной, хорошо обученной стражи, были им не по зубам. На караван не рисковали нападать даже вальдо или горные бароны.

Когда обоз углубился в Ледеберг и остановился на очередную ночную стоянку, Элайна, целый день просидевшая в седле, устало спрыгнула на землю и решила искупаться в ручье, на берегу которого расположился лагерь.

Выйдя за внутреннюю цепь охраны, девушка поднялась вверх по течению, нашла тихое укромное местечко и разделась. Холодной воды она не боялась, привыкла ещё в раннем детстве, благодаря виольскому воспитанию. Быстро ополоснувшись, Элайна вышла на берег, растёрлась жёстким полотенцем и набросила на голое тело успевшую остыть рубашку.

Усталость, купание в холодной воде, а также обманчивая тишина вокруг и спокойный, прошедший без приключений день, притупили бдительность, расслабили, поэтому она и не услышала подкрадывавшихся охотников. Она как раз нагнулась за штанами, как на голову, неожиданно, набросили плотный мешок и повалили на землю, а сильные руки схватили и в мгновение скрутили запястья кожаным ремнём. То же проделали и с ногами. Затем чья-то рука просунулась под мешок и заткнула кляпом рот. Всё это произошло в несколько коротких мгновений, так, что девушка даже не успела испугаться или осознать, что происходит. Её подняли, перебросили через плечо и понесли. Элайна поняла, что её похитили, только тогда, когда её закутали в тёплый плащ и положили на седло.

Девушка не стала брыкаться или рыдать, как поступила бы на её месте другая, а спокойно лежала в не очень удобной позе, задыхаясь от запаха конского пота, стараясь сберечь силы, которые ей, как она понимала, скоро пригодятся.

Лошадь, на которой лежала Элайна, сначала шла тихим шагом, а затем перешла на галоп, когда похитители, как поняла девушка, отъехали подальше от лагеря. Её трясло и подбрасывало, и, чтобы пленница не слетела, чья-то сильная рука придерживала её за талию.

Наконец, бешеная скачка прекратилась, лошадь вновь перешла на шаг, а затем и остановилась. Элайну подняли и посадили в нормальное положение. С головы сдёрнули мешок, и девушка смогла увидеть похитителей. Прямо перед ней стояли два ухмыляющихся всадника в кожаных, отделанных мехом и перьями лесных птиц костюмах. По этим костюмам, а также кожаным шлемам, украшенным белоснежными хвостами лэев, девушка опознала манволов – «горных волков» – дружинников горного барона. Она слегка повернула голову и взглянула на того, в чьих сильных руках сейчас покоилась. Зрелый мужчина, не достигший сорока лет, с холодными серыми глазами, несколько суровыми, даже жёсткими. Сейчас они смотрели с любопытством, а твёрдые губы с выразительным рисунком слегка улыбались.

– А она хорошенькая, – произнёс мужчина по-илларийски. – Нам повезло.

– Да, просто красotka, – согласился один из товарищей.

– И хорошо держится, – одобрительно произнёс второй. – Не люблю, когда девки визжат, как недорезанные свиньи.

Элайна посмотрела на говоривших, и устало закрыла глаза. Она замёрзла, было трудно дышать, но она знала, что не стоит ждать сочувствия от «горных волков».

Словно догадавшись о неудобствах пленницы, мужчина, державший девушку, вынул кляп и сказал:

– Я больше не буду затыкать тебе рот, если будешь вести себя тихо. Лес не любит шума.

Элайна сделала несколько глубоких вдохов, проветривая лёгкие, и закрыла рот. Она не собиралась шуметь, понимая, что это бесполезно. Не собиралась ни о чём и просить, но мужчина сам снял тёплый, подбитый мехом плащ, и закутал в него девушку.

– Нужно спешить, если не хотим ночевать в лесу, – сказал он.

Усадив пленницу поудобней, он пришпорил коня. Всадники вновь помчались галопом, но теперь пленница ехала более комфортно.

Дорога к замку показалась бесконечной. Невыносимо болели, а затем совсем онемели туго связанные руки и ноги, от тряски и езды в неудобной позе подташнивало, хотя мужчина, прижимавший её к широкой груди сильной уверенной рукой, и старался облегчить страдания, поддерживая за талию и почти усадив себе на колени.

Горы и лес уже окутали глубокие синие сумерки, когда они въехали в узкое тёмное ущелье. Усталые кони, покрытые потом и пеной, еле шли, спотыкаясь в темноте о невидимые камни. Всадники тоже устали, но радовались близости дома, тихо о чём-то переговариваясь.

Когда они выехали из ущелья в узкую, теряющуюся во мраке долину, чуть-чуть посветлело, что дало возможность рассмотреть светлую ленту дороги, вившуюся вдоль берега каменистой горной речки. Далеко впереди сверкала крошечная жёлтая звезда, и, лишь подъехав ближе, Элайна поняла, что это сигнальный огонь на одной из башен мрачного чёрного замка, возвышавшегося над долиной.

Сопровождавшие остались в селении, которое они проехали, а похититель и пленница начали подниматься по узкой неверной дороге, одной стороной примыкавшей к крутому склону, а с другой обрывавшейся в долину.

Всадник ехал медленно и осторожно, всецело доверившись коню, бросив повод на его шею. Вокруг царил ночной мрак, слегка разбавляемый светом множества сияющих в небе звёзд.

Когда подъехали к замку, послышались грозные оклики стражи. Но, услышав голос всадника, ворота поспешно распахнули.

Во дворе к ним подбежали слуги, взяли повод коня и протянули руки к девушке. Но мужчина грубо оттолкнул их, сам взял девушку и спрыгнул на землю. Сапоги гулко ударились о плиты двора. Слуги отчего-то радостно болтали и смеялись, но их голоса доносились до Элайны, словно издалека.

Прижимая пленницу к груди, мужчина пересёк двор и вошёл в высокую узкую башню. Поднимаясь по ступеням крутой винтовой лестницы, он тяжело дышал, но ни на миг не остановился, чтобы передохнуть. За ним шёл кто-то из слуг, освещая путь огнём факела.

Они вошли в какую-то комнату, но не задержались в ней, а поднялись ещё на один уровень, на этот раз по резной деревянной лестнице. Оказавшись в большой круглой комнате, мужчина приблизился к стене, бесшумно ступая по мягкому ковру, и осторожно опустил свою ношу на меховое покрывало. Выпрямляясь, он с облегчением вздохнул, затем вынул из богатых золотых ножен длинный кинжал и осторожно разрезал путы, стягивавшие запястья и лодыжки девушки. Элайна не шевелилась. Но когда в онемевших конечностях запульсировала застоявшаяся кровь, с её губ сорвался невольный стон.

Мгновение постояв рядом, словно колеблясь, мужчина круто повернулся и ушёл. Слуга с факелом поспешил за ним следом, и девушка осталась одна в полной темноте.

Девушка медленно приходила в себя, ожидая, пока в ногах и руках восстановится кровообращение, и они начнут двигаться.

Но долго побыть в одиночестве ей не пришлось. Из дремотного оцепенения вывел громкий и мелодичный звон ударившего где-то над головой колокола, а через несколько минут послышались шаги, показался свет, и в комнату поднялись две пожилые рабыни. Одна несла накрытый салфеткой поднос, а вторая два подсвечника по три свечи в каждом. Поставив поднос и свечи на стол, женщины приблизились к ложу, опустили на колени и начали умело растирать руки и ноги. Затем помогли ей подняться и, поддерживая, подвели к столу. Усадив на покрытый меховой накидкой стул, открыли поднос и предложили поужинать. На подносе стояла тарель с фруктами, сладким печеньем, лакомством, сваренным из мёда и лесных орехов, и кувшинчик с лёгким сладким илларийским вином. Прислуживая девушке, словно принцессе, её накормили, а затем отвели обратно к ложу, предварительно расстеленному и приготовленному для сна. Уложили, заботливо укрыли меховым покрывалом и оставили одну, забрав поднос и свечи. Один подсвечник, с единственной горящей свечой, ей, правда, оставили. Уходя, одна из женщин сказала:

– Я буду в нижней комнате, госпожа. Если понадобится – можете просто крикнуть. Меня зовут Мойна.

– Хорошо, – пробормотала Элайна. Ей сейчас хотелось только одного – спать, спать и спать. Она устало закрыла глаза, повернулась к стене и тут же провалилась в глубокий крепкий сон.

Глава 3

Несмотря на вечернюю усталость, Элайна проснулась рано. Рассветные лучи восходящего солнца едва проникли в восточное окно, высветившись на противоположной стене причудливым узором. Взглянув на окно, девушка увидела на нём ажурную решётку.

Элайна сладко потянулась и невольно поморщилась от боли во всём теле. Особенно болели опухшие запястья и лодыжки, на которых синели полосы от вчерашних пут.

В комнате царил утренний прохлад, а под тёплым меховым одеялом было уютно и тепло, и девушка решила не вставать, пока её не вынудят к этому обстоятельства. К тому же, теперь ей некуда спешить. Она хотела вздремнуть ещё, но тревожные думы, заполонившие престелную головку, не дали уснуть. То, что она попала в руки одного из горных баронов, девушка поняла ещё вчера, как только увидела пушистые хвостики лэев на кожаных шлемах похитителей. Но с какой целью её выкрали – вот в чём вопрос! Вряд ли с целью выкупа – она ведь не знатная дама. И не для забав – тогда её поместили бы не в эту уютную, прекрасно обставленную комнату, а в гарем, к остальным несчастным пленницам. Единственное, что приходило в голову, это шантаж. Наверное, кто-то из баронов, узнав, чья она дочь, решил таким образом склонить капитана Олайна к измене – заставить сдать обоз на разграбление. Но они плохо знают капитана, если решились на такой глупый шаг. Девушка не сомневалась, что отец, скорее, пожертвует жизнью дочери, чем изменит своему долгу. А потом жестоко отомстит обидчикам, даже ценой собственной жизни.

Элайне невольно стало жаль старого отца. Она представила, как он сейчас мечется по горам, отыскивая следы похитителей, как, затем, ведёт обоз дальше, страдая от горя и невозможности спасти дочь, переживая и беспокоясь о её судьбе.

Не в силах больше лежать от волнения, девушка вскочила и подбежала к одному из окон, которые выходили на все четыре стороны света. Комната была круглой, так как располагалась на самом верху цилиндрической башни. Вид из окон открывался неутешительный: высокие стены крепости, громада замка и головокружительный отвесный обрыв. О побеге нечего было и думать. Даже если ей каким-то чудом и удастся вырваться из башни, как преодолеть эти неприступные стены, на которых стоят бдительные стражи? Как спуститься с отвесного обрыва? Как вырваться из замкнутой долины? Как отыскать дорогу домой, преодолев мрачные горы и леса Ледеберга, кишацие кровожадными хищниками и недружелюбными племенами варваров, где «горные волки» у себя дома, а она чужая в незнакомой стране?

«И всё же мне придётся это сделать, – с тоской подумала девушка. – Ради отца и ради себя. А если не получится – лучше убью себя, но не позволю этим негодьям использовать меня для шантажа».

Приняв такое решение, Элайна немного успокоилась и вернулась в тёплую постель. Вскоре, согревшись, она задремала, но через некоторое время её разбудили тихие осторожные шаги. Открыв глаза, увидела одну из приходивших вчера рабынь. Кажется, эту звали Мойна.

Удостоверившись, что госпожа не спит, женщина приветливо улыбнулась:

– Доброе утро, госпожа. Извините, что разбудила, я старалась двигаться как можно тише. Но я такая неуклюжая!.. Желаете принять ванну?

– Не очень горячую, – согласилась девушка. – И если в замке есть лекарь, попроси у него мазь для снятия опухолей. – Она высунула из-под одеяла опухшую руку. Рабыня сокрушённо заахала и, пообещав немедленно сбегать к доктору, ушла.

Элайна продолжала нежиться в постели, прислушиваясь к звукам, доносившимся из нижней комнаты. Через какое-то время Мойна возвратилась и сообщила, что ванна готова.

Девушка спустилась и увидела, что нижнее помещение разделено плотным кожаным занавесом на две половины: меньшую – с лестницей и большую, где стояли бронзовая ванна, деревянная гардеробная и огороженная туалетная комната.

Элайна сбросила измятую рубашку и с удовольствием погрузилась в тёплую ароматную воду, отдавшись в заботливые умелые руки служанок. После купания её растёрли мягкой простыней, после уложили на специальный столик и размяли всё тело, прогоняя из мышц боль и болезненную слабость. Ароматные масла, которые втирали в кожу, сделали её мягкой и бархатистой на ощупь, испускающей приятный аромат. А нанесённая на запястья и лодыжки мазь уняла боль и сняла покраснение. Через несколько часов исчезла и опухоль.

После массажа девушку провели в гардеробную, где переодели в новую красивую одежду, начиная от нижнего белья и кончая тёплой накидкой на плечи. Элайна редко носила платья, с детства приученная к полумужским-полувоенным костюмам виолок, а таких красивых нарядов, в который её облачили, отродясь не было. Вся одежда была пошита из ярких дорогих тканей и разукрашена вышивкой и мелким речным жемчугом.

Поднявшись наверх, Мойна усадила девушку перед столиком с большим полированным серебряным зеркалом, тщательно расчесала ещё влажные волосы и уложила в простую, но красивую причёску. Это не составило труда, потому что Элайна не носила длинных кос, а подстригалась коротко, чтобы за волосами легче ухаживать в условиях похода. К тому же, от природы они завивались в крупные красивые локоны. Достаточно аккуратно их зачесать, кое-где подколоть – и причёска готова. Напоследок рабыня открыла стоявшую на столике шкатулку и достала недорогие, но изящные и красивые украшения из серебра, тёмного золота и полудрагоценных камней. Выбрав несколько, на её взгляд, наиболее подходящих к наряду, надела на девушку, и Элайна едва узнала себя в красивой элегантной даме, которая смотрела на неё из туманной глубины зеркала.

– Довольна ли госпожа или хочет что-то исправить? – спросила Мойна, закончив работу.

– Нет, спасибо, мне всё нравится, – ответила девушка, любуясь отражением. Какая женщина не любит красиво приодеться и повертеться перед волшебным стеклом? Элайна не была исключением, и несколько минут разглядывала себя, поворачиваясь то одним, то другим боком.

– Тогда я пойду за завтраком, с вашего разрешения.

– Подожди, Мойна... Правильно? Я не перепутала твоё имя?

– Правильно, госпожа. Я Мойна.

– Скажи, Мойна, где я нахожусь? Чей это замок? Как зовут вашего господина?

– Вы находитесь в Башне Невест, а замок принадлежит барону Хаскетту, он наш господин и повелитель.

– Хаскетт? Великий Стрелок Хаскетт, горный барон?

– У нас его так не называют. Здесь его зовут господин Амарис, горный барон. Может, он и великий стрелок, я этого не знаю, но он хороший охотник, никогда не возвращается без добычи.

– А ты не знаешь, зачем он привёз меня сюда? Я понимаю, что господин не делится со слугами своими намерениями, но я также знаю, что хорошие слуги знают о своём господине всё...

Мойна нерешительно посмотрела на девушку, словно колебалась, а затем осторожно произнесла:

– Думаю, господин сам объяснит вам свои намерения...

Несомненно, рабыня всё знала, но не знала, можно ли ей об этом говорить, и предпочла уйти от ответа. Конечно, по желанию, девушка могла бы легко добиться от неё правды, но не хотела ссориться с прислужницей; возможно, её доброе расположение Элайне ещё пригодится.

– Хорошо, я подожду, пока барон сам соизволит объясниться.

Женщина с облегчением вздохнула и поспешила вниз. Через некоторое время она вернулась с накрытым подносом. Как и вчерашний ужин, завтрак оказался превосходным. Девушку вновь начали мучить сомнения. Если Хаскетт держит её для шантажа, то она обходится ему слишком дорого: роскошная комната, драгоценности, великолепная одежда, превосходная еда... Стоит ли так тратиться, не проще ли посадить её в клетку, в подземелье? В лучшем случае, в скромную комнатку, предназначенную для пленников. На что барон рассчитывает в ответ на такую щедрость?

Сомнениям и недоумению девушки предстояло развеяться в полдень, когда её посетил сам барон Амарис Хаскетт собственной персоной. Хотя сейчас он был без шлема, и роскошные тёмные волосы густой волной спадали на плечи и спину, удерживаемые узким серебряным обручем с крошечными изумрудами по периметру, а одет он был в бархатный, расшитый серебром, тёмно-синий, как летняя ночь, костюм, Элайна сразу узнала прищуренные серые холодные глаза и чуть улыбающиеся твёрдые губы.

Войдя в комнату, барон остановился на пороге, словно в нерешительности, и посмотрел на девушку внимательным изучающим взглядом. В глазах мужчины, до этого равнодушных и холодных, появился какой-то странный блеск, когда его взгляд пробежался по стройной, затянутой в шелка, фигуре. По-видимому, красота пленницы произвела на него благоприятное впечатление. Слегка поклонившись, он произнёс:

– Добрый день, сударыня. Я Амарис Хаскетт, горный барон, – представился он глубоким приятным голосом.

– Знаю, – спокойно ответила девушка. – Вас ещё называют Великим Стрелком Хаскеттом. Или это другой Хаскетт?

– В Ледеберге только один Хаскетт, – с неподдельной гордостью ответил барон. – А Великим Стрелком меня прозвали за умение стрелять без промаха. Думаю, это звучит гордо.

– Возможно... – не стала спорить девушка.

– Теперь представьтесь вы, сударыня, я хочу знать ваше имя.

Элайна удивилась.

– Разве вы не знаете, кто я?

– Конечно, нет!

– Зачем же вы меня украли?

– Потому, что вы мне понравились и были доступны. Мне не пришлось даже пробираться внутрь лагеря, вы сами пришли ко мне в руки, – усмехнулся барон.

– Но вы следили за мной?

– Нет. Мы случайно наткнулись на ваш лагерь и увидели, что в нём есть женщины... Мы заметили вас, выходящую из лагеря, подкрались, посмотрели, и я решил, что вы мне подходите.

– Подхожу для чего?

– Назовите своё имя, сударыня, и я вам всё объясню.

– Меня зовут Элайна... Коррис, – назвала девушка фамилию матери.

– Дорогая Элайна, с этого дня вы моя невеста, – торжественно объявил Хаскетт.

– Ваша невеста? – искренне изумилась девушка. Она ожидала чего угодно, только не такого простого и вместе с тем необычного объяснения. – Вы думаете, я этого желаю?

– Вам придётся смириться, сударыня, – невозмутимо ответил барон. – Я украд вас по обычаям моих предков, посадил в Башню Невест и ударил в колокол, сообщая подданным, что у их господина появилась невеста. Теперь у вас есть два пути: стать моей супругой и назваться баронессой Хаскетт или умереть... Тогда мне придётся искать другую невесту.

Элайна задумалась. Сообщение барона оказалось для неё полной неожиданностью.

– И у меня нет никакого выбора? – спросила она через минуту.

– У вас есть выбор – жизнь или смерть... Третьего не дано. Я не могу вас отвезти обратно к вашим родным. Если вы не согласитесь стать моей женой, то, по нашим обычаям, я обязан

сбросить вас с крыши башни в пропасть, чтобы своей кровью вы смыли мой позор вашего отказа. На раздумье вам даётся месяц. После этого я приду за ответом.

– Я не могу решить так быстро, – поспешно возразила девушка. – Это серьезное решение... Я прошу три месяца.

Барон посмотрел на неё пристальным взглядом и неожиданно рассмеялся:

– Хорошо, пусть будет три. Мне спешить некуда. Но не мечтайте избежать своей участи. Ещё никто и никогда не сбежал с Башни Невест. Вас будут сторожить, как самое ценное королевское сокровище, ведь сбежавшая невеста – такой позор для горного барона, что он предпочтёт сам броситься в пропасть, чем стать посмешищем всего Ледеберга.

Амарис Хаскетт поклонился и вышел. Элайна опустилась на стул и с горечью рассмеялась. Невеста горного барона! Что сказал бы отец, если бы знал, кем стала его дочь!

Глава 4

Как Элайна и предполагала, капитан Олайн был вне себя, когда узнал об исчезновении дочери. Обеспокоенный её долгим отсутствием, он опросил своих людей, и те сообщили, что видели, как девушка поднялась вверх по течению ручья. Позвав двух воинов, которые хорошо читали следы, Олайн отправился на поиски. Они привели его на место разыгравшейся трагедии, о которой рассказали чёткие следы на песке. Здесь всё ещё лежали её одежда и оружие.

– Здесь побывали манволы, – сказал один из следопытов, указывая на отпечатки на влажном песке. – Только они носят такие сапоги с мягкой подошвой, в которой удобно лазить по скалам и деревьям. Мне тяжело это говорить, но вашу дочь, вероятнее всего, похитили люди горного барона.

Это известие поразило капитана в самое сердце. Если бы девушку похитили варвары, ещё оставалась бы какая-нибудь возможность спасти её: выкупить, отбить или обменять на лошадей. Но горные бароны никогда не отдают добычу. Да и как узнать, кому из этих негодяев досталась его малышка, в чьём гареме или тюрьме она сейчас томится?

Перебрав все цели похищения, Олайн пришёл к тому же выводу, что и Элайна: дочь выкрали с целью шантажа. Теперь нужно ждать посыльного, который предложит ему сделку.

Но шло время, обоз всё дальше уходил от места трагедии, а никто капитана не беспокоил и ничего от него не требовал. Всё же Олайн оставался начеку, усилил охрану и требовал от подчинённых особой бдительности.

Но, вопреки всем опасениям, дорога на этот раз оказалась на удивление спокойной и безопасной, как никогда. Без потерь и происшествий обоз прибыл в Медаус, быстро разгрузился, и, погрузив местные товары, тронулся в обратную дорогу.

Путь домой показался капитану бесконечным. Он не мог дождаться той минуты, когда освободится от тяготивших его обязанностей и отправится на поиски дочери. Он торопился сам и подгонял медленно двигавшийся обоз, чем вызвал недовольство возчиков и начальника обоза.

Когда они приблизились к границам Кламара, капитан вновь стал нервным и особенно бдительным, чем вызывал недоумение подчинённых.

Но вот Ледеберг остался позади. Обоз вступил на спокойные земли Кламара. Здесь Олайн решил покинуть его, оставив на попечение помощника. Начальника обоза не удовлетворило решение капитана, но он понимал его желание отыскать пропавшую дочь. Выдав причитающееся жалованье, пожелал ему всяческих успехов. Покинув обоз, Олайн, тут же, вернулся в Ледеберг.

За долгие годы службы капитаном отрядов сопровождения, Олайн нажил себе немало врагов среди диких племён и горных баронов, но также приобрёл среди жителей Ледеберга и несколько друзей. Один из них – горный барон Террис, давний приятель. К нему, в первую очередь, и направился капитан.

Увидев у ворот замка старого приятеля, одного, без солдат (а путешествовать Ледебергом в одиночку весьма рискованно, даже горные бароны никогда не решались на такое), Террис удивился. Приняв Олайна с подобающими почестями, поинтересовался:

– Что привело тебя в наши края? Слышал, ты повёл обоз в Медаус.

– Я уже вернулся. А пришёл к тебе за помощью.

Террис удивился ещё больше. Олайн никогда и ни у кого не просил помощи, и меньше всего хотел бы получить её от горного барона, пусть и старого друга. Видимо, случилось что-то из ряда вон выходящее, если капитан решил просить у него помощи.

– Слушаю, – без колебаний ответил Террис. – Если это в моих силах, помогу.

Олайн рассказал об исчезновении Элайны и о выводах, сделанных его следопытами, о том, что опасался шантажа, но никаких требований не получил. Он просил помочь узнать, у кого из горных баронов находится его дочь, и, если это возможно, выкупить её.

Выслушав рассказ, Террис задумался на несколько минут. На миг у него мелькнула мысль, что неплохо было бы самому завладеть дочерью Олайна, чтобы приобрести над капитаном власть. Но он тут же отбросил её. Слишком хорошо барон знал капитана, чтобы понимать, что тот пойдёт на всё, чтобы спасти свою девочку, а если у него не получится, умрёт, но не станет подчиняться требованиям шантажистов.

– Я слышал, что у молодого барона Хаскетта недавно появилась невеста. А по нашим обычаям, барон должен похитить девушку. Время появления невесты как раз совпадает со временем исчезновения твоей дочери. Так что, скорее всего, сейчас она – невеста горного барона.

– И что это значит?

– Это означает, что она либо станет его женой, либо умрёт... Её нельзя ни выкупить, ни обменять, ни украсть. Её строго охраняют, так что и убежать она не сможет... Девушке дают какое-то время на раздумье, а также, чтобы она успела смириться со своей судьбой. Затем она должна дать ответ, согласна ли стать женой барона или предпочтёт смерть. Если она согласится – а так бывает всегда – девушка становится официальной невестой, её обручают с женихом, знакомятся с родственниками невесты, если таковые имеются. Затем, спустя сорок дней, играют свадьбу. Это время уходит на обучение девушки обычаям и законам горных баронов, ведь она станет госпожой замка и принадлежащих барону земель.

– А если девушка откажется от сомнительной «чести», что тогда?

– Её сбрасывают с крыши Башни Невест на плиты двора или в пропасть у стен замка. Девушка должна своей кровью смыть позор отказа и своей смертью освободить дорогу другой претендентке. Однако, я таких случаев не припомню, во всяком случае, при моей жизни ни одна девушка не отказалась стать баронессой... Обычно на раздумье дается месяц. Но судя по тому, что барон Хаскетт ходит в женихах уже третий месяц, ему достался крепкий орешек, – с улыбкой закончил Террис.

Рассказ барона скорее огорчил и обеспокоил Олайна, чем успокоил. Он не знал, как поступит Элайна – плод его гордости и виольского воспитания матери. Возможно, она предпочтёт смерть браку с нелюбом. И, хотя Элайна не разделяла взглядов матери на выбор мужчин и свободную любовь, но тоже хотела бы сама выбрать будущего супруга, а не выходить замуж по принуждению.

– Как мне добраться до замка этого Хаскетта? – спросил капитан.

– Хочешь к нему поехать? – снова удивился барон.

– Да.

– Зачем?

– Если Элайне суждено умереть, я хочу умереть вместе с ней. У меня, кроме неё, никого больше нет... Возможно, я успею отомстить за неё, прежде чем погибну. А возможно, мне удастся как-нибудь спасти свою дочь.

– Воля твоя... Я могу дать людей, которые проведут тебя до владений барона Хаскетта. Но не говори ему, кто помог тебе в поисках. У меня достаточно старых врагов, чтобы наживать ещё новых.

Олайн пообещал никому не рассказывать о Террисе, и на следующий день покинул замок в сопровождении четырёх его воинов.

До владений Хаскетта они добрались полтора дня. На второй, поднявшись на очередной перевал, проводники указали на тёмную щель ущелья в противоположном склоне, из которого вытекала узкая пенная горная речка, и сказали:

– Вот вход в долину Хаскетта. Наверху ущелья расположен пост наблюдения, который заметит вас за кем. На выходе с той стороны – отряд заграждения. Так что, если вы мечтаете

незаметно пробраться или пробиться силой, советуем сразу отбросить эту мысль. Со всех сторон долину окружают неприступные скалы, а замок Хаскетта, который они называют «Башня Ветров», расположен в конце долины и высится на обрывистой скале. Если вы поедете туда, то влезете прямо в пасть гиззарда, и одним богам известно, что с вами случится: проглотит ли он вас сразу или будет медленно рвать на части.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.